

С. А. ФЕТИЩЕР

К ИСТОРИИ ДОГОВОРНЫХ ГРАМОТ
МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ МОСКОВСКОГО ДОМА
КОНЦА XIV—НАЧАЛА XV в.

Исследователи, занимавшиеся изучением истории Руси конца XIV—XV в., отмечали недостаточность летописных известий, касающихся событий внутри Московского княжества, особенно за период после 1408 г., на котором заканчивалась Троицкая летопись.¹ Я. С. Лурье, исследуя летописные своды XV в., пришел к выводу, что «в 10-е и в начале 20-х годов XV в. общерусское летописание явно находилось в упадке».²

Недостаток летописных известий в определенной мере позволяют восполнить немногочисленные дошедшие до нас духовные и договорные грамоты. Начавшие вводиться в научный оборот с конца XVIII в., эти документы широко использовались как при создании обобщающих трудов, так и для написания специальных работ по конкретным проблемам истории России. При этом, однако, мало уделялось (или совсем не уделялось) внимания условиям возникновения и критике источника. Из специальных работ, посвященных договорным грамотам (докончаниям), можно назвать философско-правовые исследования Б. Н. Чичерина³ и статью Н. Н. Дебольского, подходившего к докончаниям с историко-правовой точки зрения.

Н. Н. Дебольский остановился в основном на рассмотрении правовых условий докончаний, исходя из того, между какими князьями они заключены: великим и удельным или между двумя великими.⁴

Большой вклад в изучение духовных и договорных грамот внес советский исследователь Л. В. Черепнин. Он не только подходил к названным документам как к источнику, из которого можно черпать

¹ См., например: Карамзин П. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. V. С. 70; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Изг., 1918. С. 278, 283, 383.

² Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 26—27, 45—46, 113.

³ Чичерин Б. П. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей // Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 254—325.

⁴ Дебольский Н. Н. Древнерусские междукняжеские отношения по договорам // ИО. СПб., 1892. Т. IV. С. 49—70.

определенную историческую информацию, но и впервые сделал их самостоятельным объектом изучения. В первом томе исследования «Русские феодальные архивы» Л. В. Черепнин одну из глав специально посвятил критическому разбору хронологии договорных грамот великого князя Московского Василия Дмитриевича (1389—1425) с удельными князьями московского дома.⁵ Сильной стороной метода Л. В. Черепнина является комплексный подход к отдельному источнику, рассмотрение его в сравнении со всеми другими дошедшими до нас документами той эпохи. Датировки документов, данные Л. В. Черепниным, вошли в академическое издание духовных и договорных грамот.⁶ Однако уже через несколько лет вышла работа А. А. Зимина, в которой он пересмотрел или уточнил даты заключения многих документов. При этом А. А. Зимин критиковал издателя «Духовных и договорных грамот» за гипотетичность многих датировок этого издания, призывая в первую очередь основываться на фактах, пусть даже мелких, но твердо установленных хронологически.⁷ В целом выводы Л. В. Черепнина и А. А. Зимина широко используются исследователями истории Руси XIV—XV вв.

В настоящее время намечается несколько подходов к изучению духовных и договорных грамот. В трудах В. А. Кучкина,⁸ на основе сочетания самых разнообразных методов исследования, представлено решение спорных проблем, касающихся отдельных документов. Ю. Г. Алексеев⁹ провел сравнительно-хронологическое исследование формирования и эволюции удельной системы на основе изучения духовных и договорных грамот XIV в. Такая же методика исследования проблемы управления Москвой и в работе Г. В. Семенченко.¹⁰ Формуляры различного рода документов исследованы в трудах С. М. Каштанова. Терминология, введенная им, используется в данной работе. С. М. Каштанов выделяет в тексте грамот следующие элементы: «Реалии — имена лиц и названия географических объектов. Формулы — устойчивые выражения, штампы, переходящие из одного документа в другой. Описания — отступающие от „типичных“ формул более или менее индивидуальные выражения...».¹¹

В данной работе, ограниченной по объему, автор ставит перед собой довольно узкие цели — собрать сведения о наличии всех существовавших докончаний между московскими князьями за период правления великого князя Василия I и уточнить имеющиеся в литературе датировки этих источников.

⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. М.: Л., 1947. Ч. 1. С. 65.

⁶ ДДГ. М.: Л., 1950.

⁷ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы историкоисследования. М., 1958. Вып. VI. С. 321.

⁸ Кучкин В. А. 1) «Свой дядя» — дядейство Семени Гордого // История СССР, 1988. № 3. С. 149—158. 2) Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Историкоисследование сопоставленной истории. М., 1989. С. 206—225.

⁹ Алексеев Ю. Г. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // ВИД. Л., 1987. Т. XVIII. С. 93—108.

¹⁰ Семенченко Г. В. Управление Москвой в XIV—XV вв. // ИЗ. М., 1980. Т. 105. С. 196—228.

¹¹ Каштанов С. М. 1) К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. // ВИД. Л., 1979. Т. XI. С. 238—250; 2) Русские дипломаты. М., 1988. С. 174.

К концу XIV в. в Московском княжестве, помимо удела великого князя, существовало еще пять уделов: Серпуховский удел дяди Василия I — Владимира Андреевича, а также младших братьев Василия: Звенигородский — Юрия, Можайский — Андрея, Дмитровский — Петра и удел князя Константина, сформированный, вероятно, позднее.¹² Несмотря на удельную раздробленность и возникающие распри между московскими князьями, во внешнеполитических делах они всегда выступали единым фронтом — не только как совладельцы, но и как политические соправители Москвы.¹³ Договорные грамоты играли важную роль в укреплении единства московских князей, так как накладывали определенные обязательства по его поддержанию как на великого князя, так и на удельных. Великие князья не имели права заключать договорные грамоты без удельных, а удельные князья лишались права ведения самостоятельной внешней политики.

От времени правления Василия I сохранились всего четыре договорные грамоты, заключенные между московскими князьями, причем две из них — между Василием I и Владимиром Андреевичем Серпуховским. Имеются основания предполагать, что до нас дошли все договорные грамоты, заключенные между ними.

В описях архива Посольского приказа 1614 г., кроме этих грамот, сохранявшихся в подлиннике, с печатями,¹⁴ никаких других докопаний или списков с них не упоминается. Обе грамоты не имеют датировок, но если вторая грамота вызвала определенные споры по этому поводу, то первая датируется большинством исследователей 1390 г. Л. В. Черепнин обоснованно связал упоминающееся в грамоте «нелюбие» между князьями с летописными сообщениями о «размирье» между ними в конце 1389—начале 1390 г.¹⁵ Этот единственный конфликт между князьями был преодолен, о чем сообщалось в летописи: «...но крещении князь великий Василей Дмитриевич взя мир и любовь с князем Володимиром Андреевичем и уделу ему несколько городов, владу ему Волок да Ржеву».¹⁶ Сообщение летописи о передаче Волока и Ржевы полностью соответствует содержанию договорной грамоты. Л. В. Черепнин обратил также внимание на отсутствие в грамоте митрополитского благословения и пришел к выводу, что грамота заключена до приезда митрополита Киприана в Москву, т. е. до марта 1390 г. А. А. Зимин нашел возможным еще более сузить хронологические рамки договорной грамоты, принимая во внимание то, что после известия о мире в летописи идет сообщение о рождении 26 января 1390 г. у князя Владимира Андреевича сына Федора, о котором не говорится в договоре.¹⁷ Таким

¹² О формировании уделов младших сыновей Дмитрия Донского см.: *Наширо В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV—начале XV в. // Историческая география России 811—начало XX в. М., 1975. С. 46—62.

¹³ *Алексеев В. Г.* Духовные грамоты... С. 106—108.

¹⁴ Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. (далее: ОАИИ) / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 58, 60.

¹⁵ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. I. С. 68.

¹⁶ ИСРЛ. Т. XVIII. С. 139.

¹⁷ *Зимин А. А.* О хронологии... С. 287.

образом, первое московско-серпуховское докончание датируется временем с 6 по 26 января 1390 г.

В вопросе о датировке второй договорной грамоты между Василием I и Владимиром Андреевичем нет единого мнения в исторической литературе. А. В. Экземплярский и А. Е. Пресняков временем заключения грамоты считали 1405 г., как значится в ее издании в «Собрании государственных грамот и договоров». ¹⁸ Авторы не приводили каких-либо доказательств в пользу датировки документа 1405 г. Л. В. Черепнин, результаты исследований которого были приняты большинством историков, датировал грамоту 1401—1402 гг. ¹⁹ Он исходил прежде всего из того, что в документе говорится о наличии у великого князя всего одного сына: «А на сей грамоте из, князь Василий Дмитриевич, целовал есмь крест, и за своего сына, за князя за Ивана, и за свои дети, кого ми бог даст». Старший сын Василия, Юрий, умер 1 ноября 1400 г. ²⁰ Л. В. Черепнин связывал составление этого договора с победой Василия над суздальско-нижегородским князем Семеном Васильевичем в 1401 г. Последний, опираясь на мордовские земли, о которых в договоре говорится уже как о великокняжеских, пытался вернуть себе Нижегородское княжество. Однако это говорит лишь о том, что договор заключен после разгрома Семена в 1401 г. и присоединения «места Татарская и Мордовская». Никаких твердо установленных фактов о заключении договора в 1401—1402 гг. Л. В. Черепнин не привел. А. А. Зимин указал, что договор составлен между 1 ноября 1400 г. и 16 сентября 1406 г., когда умер митрополит Киприан, по благословению которого составлена грамота, считал предположение Л. В. Черепнина о заключении договора в 1401 г. убедительным. ²¹ Каких-либо дополнительных аргументов по сравнению с Л. В. Черепниным А. А. Зимин не привел.

Ряд наблюдений, прежде всего над текстом самой грамоты, позволяет пересмотреть датировку документа. Во-первых, у Василия I за период с 1401 по 1406 г. было еще два сына, умерших во младенчестве. Н. М. Карамзин, основываясь, по мнению исследователей, на Троицкой летописи, сообщал о том, что 6 декабря 1401 г. «князю великому Василию Дмитриевичу родился сын Данило, да не долго жил, толико 5 месяц и умре». Затем, в 1405 г., 13 января, «князю великому Василию родился сын князь Семен, да жил 12 недель и умре». ²²

Таким образом, за время с 6 декабря 1401 г. по апрель 1402 г. и с 13 января по середину марта 1405 г. договорная грамота серпуховским и московским князьями не могла быть составлена, так как в ней утвердительно говорится о наличии у Василия только одного сына — Ивана.

¹⁸ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1891. Т. II. С. 302; Пресняков А. Е. Образования Великолукского государства. С. 379—380.

¹⁹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. I. С. 68; ДИП. № 16. С. 45.

²⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 230.

²¹ Зимин А. А. О хронологии... С. 289—290.

²² Пресняков М. Д. Троицкая летопись (реконструкция). М.: Л., 1950. С. 455, 458; Муравев Л. Л. Московское летописание второй половины XIV—начала XV в. М., 1991. С. 107.

Еще одно важное сообщение позволяет уточнить дату договора. По докончанию Василий передаст Владимиру в обмен за Волок «Городца с волостми, а волости Городецкие: Белгородье, Юрьевец, Корякова слобода и Черныкова...». Судя по перечислению волостей, близких к Городцу,²³ речь идет о Городце на Волге, одном из важнейших центров бывшего Нижегородского княжества. Однако этот город находился во владении князя Василия Дмитриевича Кирдяпы вплоть до его смерти, которая, по сообщению большинства летописей, последовала зимой 6911 г. В Троицкой летописи сохранилась запись: «Тое же зимы преставился князь Василий Дмитриевич Суждальский, иже на Городце был». В Московском своде XV в. и близких к нему летописях содержится несколько иная редакция: «Тое же зимы преставился князь Василий Дмитриевич Городецкы».²⁴ Поскольку Троицкая и использовавшие ее в качестве источника другие летописи за XIV и начало XV в. применяли мартовское летосчисление,²⁵ то смерть Кирдяпы нужно датировать зимой 1403/04 гг. В. А. Кучкин на основании этого известия считал, что датировка, данная Л. В. Черепнинным рассматриваемому документу, нуждается в исправлении.²⁶ В. Д. Назаров, возражая против мнения В. А. Кучкина, полагал, что нет твердых оснований считать, что Кирдяпа владел до 1403 г. Городцом.²⁷ Однако известно, что все нижегородские князья и их потомки, даже находившиеся во враждебных отношениях с Москвой, владели землями и городами на части территории бывшего Нижегородского княжества после утраты им независимости.²⁸ Василий Кирдяпа не участвовал во враждебных акциях против московского князя, как показал Г. В. Абрамович, а находился издавна с ним в дружеских отношениях.²⁹ О том, что Кирдяпа владел Городцом до своей смерти, может свидетельствовать тот факт, что он единственный из всех нижегородских князей того времени был похоронен в их родовой усыпальнице — Спасо-Преображенском соборе. Другие князья, враждовавшие с Василием Дмитриевичем, были похоронены в других местах.³⁰

Часть городецких волостей и после заключения рассматриваемого докончания оставалась за другим суздальско-нижегородским князем — Иваном Борисовичем, что особо оговаривалось в докончании. Василий Дмитриевич Московский не спешил с признанием своих прав на нижегородское княжение, заключая договоры с тверским

²³ ДДГ, № 16, С. 43. Перечень городецких волостей см.: *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 94.

²⁴ *Приезжая М. Д.* Троицкая летопись... С. 456; ПСРЛ. Т. XXIV. С. 169; Т. XXV. С. 232. В Рязанском летописце запись за 6991 г. нет. В Смоленской летописи запись краткая, в Новгородско-Софийских летописях путаница: о смерти Кирдяпы сообщается дважды: под 6911 и 6912 г., без указания времени года.

²⁵ *Вережков П. Г.* О хронологии русского летописания // ИЗ. М., 1947. Т. 23. С. 360.

²⁶ *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв. // *Польша и Русь*. М., 1974. С. 140.

²⁷ *Назаров В. Д.* Дмитриевский удел... С. 50.

²⁸ *Кучкин В. А.* Нижний Новгород... С. 252, 260, примеч. 139.

²⁹ *Абрамович Г. В.* Князь Шуйские и царский трон. Л., 1991. С. 54—55.

³⁰ *Храмцовский Н. П.* Краткий очерк и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1857. Ч. 1. С. 35—37.

(1396 г.) и рязанским (1402 г.) князьями. Условно («даст бог держати») говорится о владении этим княжеством и в двух его первых духовных грамотах.³¹

Кроме Городца, Василий I пожаловал серпуховскому князю Козельск, причем особо оговаривалось, что если эти города при каких-либо обстоятельствах перейдут в чужое владение, то князю Владимиру полагаглась компенсация: «А какини дела отымеется отъ брата моего, князя Володимера, или от его детей Городецъ или Козельскъ, и мне имъ дати в Городецъ место Тошну, а в Козельска место Рожалою, да Боженку». Как видно, договаривающиеся стороны осознавали непрочность своего владения новоприсоединенными землями. И действительно, в 1406 г. Козельск попал под власть Литвы. Под 6914 г. летописи кратко сообщают о том, что Василий Дмитриевич «разверже миръ» с великим князем Витовтом за Пскович.³² У Карамзина есть прямая ссылка на Троицкую летопись о том, что «месяца мая в 25 день отпусти великий князь поевод своих поевати земли Литовския къ Вязме и къ Серпенску и къ Козельску».³³ Наиболее подробный рассказ содержится в Тверском сборнике, где, в частности, отмечается, что литовцы «град Норютинескь взяли, и в Козельте посладиша посадники своя...».³⁴

Точную дату, когда Козельск был захвачен Литвой, установить невозможно, но твердо можно считать, что к маю 1406 г. он был в руках Литвы и не мог быть передан в удел князю Владимиру.

Еще одно наблюдение позволяет уточнить датировку dokonчания. Из преамбулы видно, что оно заключено «по благословению» митрополита Киприана. Однако из многих летописей известно, что Киприан с 20 июля 1404 г. по 1 января 1406 г. находился в Великом княжестве Литовском.³⁵ Следовательно, в его отсутствие договор не мог быть заключен.

Таким образом, сопоставление реалий, упоминаемых в грамоте, с летописными известиями позволяет сделать вывод, что вторая договорная грамота великим князем Василием Дмитриевичем и удельным князем Владимиром Андреевичем была составлена либо в период с начала 1404 г. по 20 июля того же года, либо с 1 января по май 1406 г.

С заключением рассматриваемого dokonчания тесно связано и составление духовной грамоты князя Владимира Серпуховского. Л. В. Черепнин убедительно доказал, что его духовная грамота была составлена вскоре после заключения договора с Василием I,³⁶ так как

³¹ ДДГ, № 15, 19, 20, 21.

³² ПСРЛ, т. XVIII, с. 151; т. VI, с. 132; т. XXV, с. 234.

³³ *Приказки М. Д. Троицкая летопись...* С. 461.

³⁴ ПСРЛ, т. XV, Сб. 472. Позже описаны захват литовцами удельных городов и Тверском сборнике следует описание захвата литовцами, которые принадлежали в тоном соответствии с летописной датировкой 16 июня 1406 г. (*Святский Л. Астрономические явления в русских летописях. Пр.*, 1915, с. 41). О захвате Витовтом русских земель (и земле Московский) в 1406 г. сообщает Ян Длугош: Яни Длугоша, *Dziękuję Polskich ksiąg dwanaście. Dziękuję Polska. Krasów*, 1868, т. III, с. 532.

³⁵ ПСРЛ, т. XVIII, с. 151; т. IV, с. 109; т. XXV, с. 233—234.

³⁶ *Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 73—74. Л. В. Черепнин датировал духовную князя Владимира 1401—1402 гг. А. А. Зимин привнес ее составление к 1407—1408 гг. (О хронологии... С. 290—292. Однако упоминаемый в ней город Козельск был захвачен литовцами не позднее мая 1406 г.; следовательно, духовная не могла быть составлена позднее этого времени.*

многие ее положения и формулировки, контекст, в котором упоминаются реалии договора и духовной, полностью совпадают. На текст докончания имеются прямые ссылки в духовной. К сожалению, текст духовной не позволяет уточнить ни время составления ее самой, ни время заключения предшествовавшего ей докончания. В отношении упоминаемых в обоих документах городов и волостей можно лишь отметить полное текстовое совпадение. Попытки уточнить время составления духовной сопоставлением упоминаемых в ней имен бояр-послухов и духовных отцов завещателя с известными нам фактами их жизни также не дали результатов.

Таким образом, духовную грамоту Владимира Серпуховского можно датировать промежутком: начало 1404 г.—не позднее мая 1406 г., когда Козельск оказался под властью Литвы. Интересно, что в первой духовной Василия I, составленной не позднее 7 июня 1407 г., в числе владений великого князя не названы волости Рожаво и Боженка, которые, по рассмотренному докончанию, должны были быть переданы князю Владимиру в случае утраты им Козельска. Имеются основания предполагать, что Василий Дмитриевич выполнил свои обязательства перед серпуховским князем. Таким образом, и первая духовная московского великого князя не могла быть составлена ранее мая 1406 г.³⁷

Владимир Андреевич умер в 1410 г. Серпуховской удел наследовали пять его сыновей и вдова княгиня Елена Ольгердовна. Каких-либо договорных грамот между Василием I и ними не сохранилось. Нет упоминаний о них и в позднейших описях архивов. Однако во второй и третьей духовных грамотах Василия I завещатель, определяя попечителей своему малолетнему сыну Василию Васильевичу, поручал его «...своим братьям младшим, князю Ондрью Дмитриевичю, и князю Петру Дмитриевичю, и князю Костянтину Дмитриевичю, и князю Семену Володимировичю, и князю Ярославу Володимировичю, и ихъ братье по ихъ докончанью, как ми рекли».³⁸

В первой части рассматриваемой фразы перечислены все родные братья завещателя (за исключением Юрия, которому Василий не доверил), во второй части, сразу после упоминания серпуховских князей Семена и Ярослава, во множественном числе говорится «ихъ братья по ихъ докончанью». Речь, судя по всему, идет о докончании Василия I с удельными серпуховскими князьями. Судьба этого докончания нам неизвестна. Можно лишь констатировать, что оно было заключено в период с 1410 г. (смерть Владимира Андреевича) по 1417 г. (составление второй духовной Василия I).

Гораздо сложнее обстоит дело с историей заключения и судьбой докончаний между Василием I и его родным братом Юрием. А. Е. Пресняков считал, что отношения между двумя старшими сыновьями Дмитрия Донского были враждебными, и одним из свидетельств этого было, по его мнению, отсутствие договоров между ними,³⁹ хотя одна договорная грамота, сохранившаяся в рукописном сборнике середины XV в., была напечатана уже в 1836 г. в «Актах

³⁷ ДДГ. № 20. С. 55—57. Ср.: Замин А. А. О хронологии... С. 292; Каштанов С. М. К изучению формулировки иславокиевских духовных грамот // ВДИ. Л., 1979. Т. XII. С. 239.

³⁸ ДДГ. № 21. С. 59. См. также: № 22. С. 62.

³⁹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 383.

Археографической экспедиции». Л. В. Черепнин считал эту грамоту лишь проектом dokonчания, вышедшего из канцелярии галицкого князя и не утвержденного Василием I.⁴⁰ А. А. Зимин не нашел оснований считать имеющийся список договора лишь проектом, указывая на то, что подлинник был «очевидно, уничтожен московским правительством позднее, в ходе борьбы с галицким князем и его детьми».⁴¹

В. А. Водов обратил внимание на то, что «о существовании dokonчальной грамоты или даже нескольких грамот, заключенных между Василием I и Юрием Дмитриевичем, говорится в договорных грамотах их сыновей 1434 и 1436 гг.»⁴² Следует добавить, что формула «А держати ми вас по тому, как держал отец мой, князь великий Василья Дмитриевич, своего брата молодшого, вашего отца, князя Юрья Дмитриевича, по грамотам по dokonчальным» повторялось с определенными изменениями во всех договорах Василия II и Дмитрия Шемяки, вплоть до последнего, датированного Л. В. Черепниным 1441—1442 г.⁴³ Скорее всего, здесь речь идет о dokonчаниях между Василием I и Юрием Звенигородским, так как договаривавшиеся стороны их взаимоотношения берут в пример отношений между собою. Второе, что необходимо отметить, — это то, что указанная формула есть уже в первом (1434 г.) dokonчании Василия II и Шемяки и потому они не могли ссылаться на свои dokonчальные грамоты, упоминаемые при этом во множественном числе.

О существовании договорной грамоты между князем Юрием Дмитриевичем и Василием I говорится в dokonчании 1428 г. сына Василия I — великого князя Василья Васильевича с ним: «Так же что ты пожаловал отец мой, князь великий Василей Дмитриевич и с слободами и со всеми листы, и нам тако же и в Вятку не вступатися, и под твоими детми. А тебе держати Вядка по отца моего грамоте, великого князя Василья Дмитриевича».⁴⁴ О передаче Василием I брату Юрию во владение Вятки ничего не говорится в единственном дошедшем до нас dokonчании, заключенном между ними; следовательно, существовала по крайней мере еще одна договорная грамота.

В нашем распоряжении имеется еще один документ, свидетельствующий о существовании договоров между Василием I и Юрием. В Описи Архива Посольского приказа 1614 г. имеется запись: «Выписка из dokonчальных и из духовных великих князей князя Дмитрея Ивановича и князя Василья Дмитриевича, о Москве и о Звенигороде, что кому в dokonчальных и в духовных написано уделу, городов и волостей».⁴⁵ Этот единственный в своем роде интереснейший документ составлен, вероятно, в период борьбы за великокняжеский престол во

⁴⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. I. С. 80.

⁴¹ Зимин А. А. О хронологии... С. 288.

⁴² Водов В. А. Зарождение канцелярии московских великих князей (сер. XIV в. — 1425 г.) // ИС. М., 1979. Т. 103. С. 333—334.

⁴³ ЮЦГ. № 34. С. 87; № 35. С. 90, 93 («А тебе, гостядине, великому князю, велик держати, как отец твой, князь великий Василей Дмитриевич, держати своего брата молодшого, моего отца, князя Юрья Дмитриевича, въ братстве и во чти, без обиды, по dokonчальным грамотам...»); № 38. С. 108, 110, 113, 115.

⁴⁴ Там же. № 24. С. 64, 66.

⁴⁵ ОАИИ (1614 г.), с. 52.

второй четверти XV в., так как выписки в нем заканчивались временем правления Василия I. О Звенигороде в имеющихся у нас договорных и духовных упомянутых князей говорится только в одном докончании Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским 1389 г. и его духовной того же года. В духовных Василия I Звенигород не упоминается. Значит, в руках у составителя «Выписки» были договорные грамоты Василия I, в которых говорилось о Звенигороде, иначе о грамотах этого великого князя в списке не упоминалось бы вообще. О Звенигороде могла идти речь только в докончаниях с Юрием Дмитриевичем.

Итак, у нас есть все основания полагать, что Василием и Юрием Дмитриевичами было составлено не менее двух договорных грамот.

Единственную дошедшую до нас договорную грамоту Л. В. Черешнин на основании упоминания в ней митрополита Киприана датировал временем не ранее марта 1390 г. А. А. Зимин, по сходству формуляра данного докончания с докончанием Василия I с удельными князьями Андреем и Петром, датировал его 1401—1402 гг.⁴⁶

Однако несколько фраз в общем небогатого по содержанию документа позволяют уточнить имеющуюся датировку грамоты. По договору Юрий обязуется: «А чим, господине, тобя благословил отец наш, князь велики, в Москве, Коломною и с волостми и с всем великим княжением, или что еси себе примыслил, а мне под тобою того всего блюсти...».⁴⁷ Здесь говорится о каких-то примыслах великого князя, сделанных им уже на момент заключения договора, на которые не имел прав Юрий. Речь могла идти о первых приобретениях Василия — Нижегородских землях, Муроме, Тарусе, сделанных в Орле в 1392 г. Василий вернулся в Москву в октябре 1392 г.⁴⁸ с ханскими ярлыками на эти земли. Сведений об участии Юрия в присоединении их нет. На основании этого можно предполагать, что договор был заключен не ранее октября 1392 г.

Еще одна фраза в грамоте позволяет отнести ее к первым годам правления Василия I. Оба князя обязуются «братью молодшую блюсти с одиного, а не обидети». Однако, во-первых, не существовало такого порядка, чтобы старшие братья контролировали одновременно деятельность взрослых братьев удельных князей, так как это идет вразрез с положением заветания Дмитрия Донского и со всей существовавшей практикой удельных отношений. Во-вторых, в отношении удельных князей, уже вступивших в самостоятельное управление уделами, никак нельзя было употреблять глагол «блюсти», который имел значения: «внимательно следить, наблюдать за кем-либо»; «охранять»; «стеречь».⁴⁹ Во фразах, определявших отношения между удельными и великими князьями, всегда употреблялись исключительно либо глагол «имети» (характерен для более ранних грамот), либо «держати».⁵⁰ Следовательно, мы вправе предположить, что докончание было заключено, когда младшие братья

⁴⁶ Черешнин Л. В. Русские феодальные армия. Ч. 1. С. 79. Зимин А. А. О хронологии... С. 288.

⁴⁷ ДДЦ, № 14. С. 40. В отношении примыслов говорится в прошедшем времени (перфект, второе лицо); см.: Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 98.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Кучкин В. А. Нижний Новгород... С. 251—252.

⁴⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 248.

⁵⁰ ДДЦ, № 2, 5, 7, 11, 12 (?), 13, 14, 16, 17, 18 (?), 19 и др.

были еще детьми, не позже середины 90-х годов.⁵¹ Обращает на себя внимание тот факт, что в грамоте нигде не названы дети Василия I. Л. В. Черепнин связывал это с тем, что Юрий не хотел признать за ними права на великокняжеский престол. Однако во всех dokonчаниях дети, если они были у князей, обязательно вписывались в текст грамоты, хотя бы в преамбуле. П. Нитше показал явное противоречие в рассуждениях Л. В. Черепнина по этому поводу. Он обратил внимание на то, что в первом договоре Василия I с Владимиром Серпуховским, скрепленном печатью Юрия (а он упоминается в этом договоре), также ничего не говорится о детях Василия, которых и не могло быть в 1390 г.⁵² Л. В. Черепнин, наоборот, сравнивал этот договор с договором Василия с младшими братьями, который он датировал 1401—1402 гг., где уже говорилось о наследниках Василия. Таким образом, можно полагать, что рассматриваемое dokonчание было заключено до 1395 г., когда у Василия родился первый сын Юрий.⁵³ Сравнительная бедность содержания dokonчания может объясниться тем, что, заключая через несколько лет после смерти отца договор, братьям нечего было пересматривать в существовавших между ними отношениях. Первое dokonчание Василия I с Юрием Дмитриевичем можно датировать, таким образом, 1392—1395 гг.

О времени составления и содержания последующих договорных грамот (или одной грамоты) можно говорить лишь с большей или меньшей долей вероятности. Как мы видели по одной из грамот, великий князь Московский передал Юрию во владение Вятку. Это не могло произойти ранее зимы 1402 г., когда умер князь Семен Дмитриевич Суздальский, владевший Вяткой по великокняжескому пожалованию.⁵⁴ В 1417 г., во время войны в Заволочье, отряд пятчан, по повелению своего князя Юрия Звенигородского, возглавлял боярин Глеб Семенович. Следовательно, к этому времени Вятка находилась во владении Юрия Дмитриевича.⁵⁵ Заключение dokonчания датируется, таким образом, 1402—1417 гг.

Более поздние документы, dokonчания сыновей Василия I и Юрия Звенигородского, позволяют констатировать, что отношения между их отцами не носили выраженного враждебного характера. В dokonчаниях имелись формулы: 1) «А держати ми, господине, тебе, великого князя, въ старшинстве, как держал своего отца, великого князя Василия Дмитриевича, мой отец, Князь Юрий Дмитриевич»; 2) «А тебе, господине, великому князю, мене (Дмитрия Шемяку. — С. Ф.) держати, как отец твои, князь Великий Василий Дмитриевич, держал своего брата молодшего, моего отца, князя Юрия Дмитриевича, въ братстве и во чти, по dokonчальным грамотам».⁵⁶ С

⁵¹ В. Д. Назаров пришел к выводу, что след ли уделы младших сыновей Донского были образованы сразу после смерти отца (*Широк В. Д. Дмитровский удел*. С. 49—60). О деятельности старшего из двух братьев, князя Андрея, впервые упоминается в летописях под 1399 г., когда ему было 16 лет (ПСРЛ, т. XXV, С. 228).

⁵² *Nietzsche P. Grossfürst und Thronfolger*. Kdln, 1972. С. 33.

⁵³ ПСРЛ, т. XVIII, С. 143; т. XV, Стб. 164.

⁵⁴ Там же, т. XVIII, С. 150; т. XXV, С. 232.

⁵⁵ *Луцкий П. И. История Вятки*. Киров, 1958. С. 56; ПСРЛ, т. VI, С. 141; т. XXV, С. 243; т. V, С. 260; т. XVIII, С. 163.

⁵⁶ ДПГ, № 35; см. также № 34, 38.

небольшими изменениями данные формулы присутствуют во всех договорах Василия Темного и Шемяки. Значит, великого князя вполне устраивал характер отношений, существовавших между его отцом и дядей, и он находил нужным ссылаться при этом на их договорные грамоты, которые не противоречили старшинству Василия I и проводимой им политике. Дюкорольные братья брали за образец собственной деятельности взаимоотношения их отцов.

Куда же исчезли эти договорные грамоты? Как уже неоднократно отмечалось исследователями, в архивах не сохранилось ни одной подлинной грамоты Василия I с Юрием. Нет сведений о них и в Описях Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа. Между тем эти грамоты сохранялись в великокняжеском архиве по крайней мере до 1441—1442 гг., когда на них делали ссылки договаривающиеся князья в своих dokonчаниях, служили важным аргументом в политической борьбе Василия II с Шемякой, так как подтверждали его право на старшинство. Из послания русских иерархов 27 декабря 1447 г. Дмитрию Шемяке известно, что после его ухода из Москвы, которая была им захвачена в 1446 г., Шемяка взял с собой из великокняжеской казны «ярыков, и грамот dokonчальных всех (!), и дефтерей, и иных каких грамот». ⁵⁷ Вполне возможно, что Шемяка уничтожил среди прочих и договорные грамоты своего отца как не отвечающие его политическим интересам. ⁵⁸

Большую сложность представляет установление количества dokonчаний и датировка единственного из них, дошедшего до нас, — между Василием I и его младшими братьями Андреем и Петром Дмитриевичами. Описи архива Посольского приказа 1614 и 1624 гг. сообщают о разном количестве хранившихся в нем грамот. Обе описи отметили наличие сохранившегося до нашего времени списка, в котором были скопированы две грамоты: 1) договорная грамота Василия I с рязанским князем Федором Ольговичем 1402 г.; 2) «грамота dokonчальная великого князя Василья Дмитриевича с меньшим братом со князем Андреем Дмитриевичем, а рук назад и печатей нет». ⁵⁹

В Описи 1626 г. содержится запись о двух документах: 1) «грамота dokonчальная великого князя Василья Дмитриевича з братьею, со князем Андреем до со князем Петром Дмитриевичи, при митрополите Киприяне всея Руси, ветка, у ней 3 печати, привешены, на черном воску, изломаны рука митрополита Киприяна по гречески, а в котором году писала, того не знают»; 2) «тетратка, а в ней грамота dokonчальная великого князя Василья Дмитриевича с меньшою сво братьею, со князем Андреем да со князем Петром, при митрополите Киприяне, а которого году, того не написано». ⁶⁰ Опись 1614 г., кроме указанного уже списка, в отличие от описи 1626 г. содержала лишь

⁵⁷ АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 82. Часть грамот взял с собой другой протопик Василий II — Иван Можайский (*Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 100*).

⁵⁸ Л. В. Черепнин обратил внимание на то, что договорные грамоты самого Василия II часто представляют собой лишь протопик, предназначавшиеся для князей галицких, можайских, серпуховских, попавшие в Москву после победы над уделными князьями. Тексты dokonчаний, принадлежавших Василию Темному, были уничтожены Шемякой (*Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 100*).

⁵⁹ ОАИИ (1614 г.), с. 50, л. 11—11 об.; ДДР. С. 461 (Опись 1626 г.); *Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 78*.

⁶⁰ ДДР. С. 461 (Опись 1626 г.). Л. 8—8 об.

одну запись: «Грамота докончальная великого князя Василия Дмитриевича з братом сво, со князем Ондрсем Дмитриевичем, вся петха, письма и печати не знать».⁶¹

Л. В. Черепнин считал, что две несохранившиеся грамоты описи 1626 г. представляют собой подлинник и копию докончания, заключенного около 1390 г., одновременно с докончанием с серпуховским князем. Грамота, дошедшая до нас в списке, по мнению автора, является вторым докончанием (в списке указано: «новая» грамота) между великим и удельными князьями.⁶²

Из сравнения описей архива Посольского приказа видно, что к началу XVII в. в нем хранились две подлинные грамоты, так как опись 1614 г. называет грамоту без сохранившихся печатей, а опись 1626 г. — с тремя сохранившимися печатями. В. Д. Назаров на основании пометы на сохранившемся списке договора «Грамота докончальная великого князя Василия Дмитриевича с меньшою братьевю, со князем Андреем Дмитриевичем „новая“» считал, что первое докончание было заключено только между Василием I и князем Андреем.⁶³ Это наблюдение подтверждается данными описи 1614 г., где также говорится только о докончании Василия I с Андреем Дмитриевичем.

Грамоту, сохранившуюся в списке, Л. В. Черепнин, а вслед за ним А. А. Зимин датировали 1401—1402 гг. Основанием для датировки Л. В. Черепнину послужило то, что рассматриваемая грамота скопирована на одном листе с московско-ризанским соглашением 1402 г. Однако переписать на один лист можно было и разные по времени документы, тем более что на одном из них нет даты. Вторым аргумент Л. В. Черепнина — это близость датировки докончания со второй договорной грамотой Василия I и Владимира Серпуховского, датированной им 1401—1402 гг. По этой грамоте князю Владимиру передавался Углич, завещанный ранее в удел князю Петру Дмитриевичу Дмитровскому. Однако в договорной грамоте с князьями Андреем и Петром Углич не назван в числе владений Петра, не предусмотрена за него и компенсация. Находился ли Углич когда-либо в составе владений Петра — неизвестно. Данное наблюдение не решает вопроса о том, какое из двух соглашений заключено ранее или заключены ли они одновременно, как полагал Л. В. Черепнин.

Другой важный аргумент Л. В. Черепнина — это то, что в грамоте говорится о детях удельных князей, под которыми великий князь обязуется «блюсти отчины» в случае смерти самих князей. Поскольку договор заключен по благословению митрополита Киприана, умершего 16 сентября 1406 г., а князь Петр женился только в январе 1407 г. и у него не могло быть детей на момент составления грамоты, Л. В. Черепнин сделал вывод, что грамота составлена тогда, когда оба князя не были женаты. Однако вся сложность рассматриваемого договора состоит в том, что он заключен одновременно с двумя князь-

⁶¹ ОАИП (1614 г.), с. 57, л. 35 об.

⁶² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 78. В описи 1626 г. первая грамота записана в составе «тетрадки» и по сходству записи с ней с подлинником она, скорее всего, представляет его копию.

⁶³ Назаров В. Д. Дмитровский удел... С. 51.

ями, семейное и иное положение которых могло быть различным.⁶⁴ Князь Андрей женился 8 октября 1403 г. Как нужно было бы поступить составителю грамоты, если бы у Андрея были наследники, а у Петра не было?

Все это подводит нас к выводу, что достаточно точно датировать рассматриваемую грамоту, бедную по содержанию, не представляется возможным. Таким образом, грамота была составлена в начале XV в., в период до 16 сентября 1406 г. При этом надо учитывать время отсутствия Кириана в Москве с 20 июля 1404 г. по 1 января 1406 г. Князь Андрей начинает упоминаться как исполнитель ответственных поручений с 1399 г. В. Д. Назаров предполагает, что тогда же, возможно, было заключено и первое докончание с ним. К этому же году он относит и формирование удела князя Петра.⁶⁵ Однако никаких твердых оснований для установления даты заключения первого докончания и нижней хронологической даты второго у нас нет. Данная договорная грамота может быть использована в основном как источник по истории общего характера взаимоотношений между московскими князьями начала XV в.

В архивах, архивных описях, позднейших документах отсутствуют какие-либо упоминания о существовании докончаний Василия I с младшим братом Константином Дмитриевичем. Историками отмечалась враждебность отношений между этими князьями в отдельные периоды их деятельности. Для нас важен следующий эпизод в их взаимоотношениях. Под 1419 г. летописи сообщают, что «князь великий Василий Дмитриевич восхоте подписати под сына своего Василья брата своего меньшого, Костянтина. Князь же Костянтин не восхоте сотворити воли его, и про то отня у него вотчину».⁶⁶ Л. В. Черепнин полагал, что великий князь потребовал от брата принесения присяги своему наследнику — Василию II. Из наш взгляд, данный текст свидетельствует о попытке Василия I заключить договорную грамоту с Константином, так как в летописях говорится о составлении письменного документа — «подписати под сына своего Василья». Константин, по-видимому, отказался признать старшинство Василия II, и попытка составить договорную грамоту закончилась неудачей. По этой, вероятно, причине Константин не был включен в число гарантов выполнения последнего завещания Василия I.⁶⁷

Таким образом, можно констатировать, что все удельные князья московского дома, за исключением Константина, были связаны договорными отношениями с великим князем Василием I. Докончаниям придавалось большое значение в регулировании междукняжеских

⁶⁴ В одной из статей грамоты, где идет перечисление владений Андрея и Петра от их имени в начале: «Чем иже благословил отец наш...», а в конце фразы «... и что тем местом ко всем при моем (!) отце, при великом князе...». В одном случае писец употребил множественное число местоимения «наши», в другом — единственное — «мой». Это может быть сделано потому, что последним владением названо владение князя Андрея Белоозера, за ним, по логике духовной Донского, должен был бы следовать Углич, но он был отнят у князя Петра. Поэтому писец, вероятно, данную часть фразы относил только к князю Андрею.

⁶⁵ Назаров В. Д. Дмитриевский удел... С. 51, 54.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 244; Т. XVIII. С. 165.

⁶⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. I. С. 90.

отношении. Они играли важную роль в ходе политической борьбы между их потомками. Лишь часть этих грамот сохранилась, другая — либо бесследно исчезла, либо была сознательно уничтожена.

Определение хронологии этих документов позволяет не только правильно представить ход политической истории, но и восполнить недостаток летописных известий. Докончальные грамоты имеют большое значение и для определения общего характера взаимоотношений между князьями, являясь своеобразным источником государственного права. Сам факт наличия договорных грамот, даже не сохранившихся, свидетельствует об определенной упорядоченности княжеских отношений — как правило, о лояльности между великими и удельными князьями.

Если изучению различных аспектов духовных грамот в последнее время посвящено большое количество работ, то формуляр и сравнительно-хронологическое изучение докончаний еще ждут своего исследователя.